

В. Ф. ШИШМАРЕВ

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК МОЛДАВСКОЙ ССР

I

Современная романистика устанавливает для восточной Романии два типа романской речи: западный, представленный далматинским языком¹, исчезнувшим в самом конце XIX в., и восточный, который можно было бы назвать условно балкано-романским. Этот второй тип живет и поныне.

Исключение его в группу романских языков, однако, не для всех оказалось достаточно мотивированным. Благодаря наличию в нем значительного количества славянских элементов он представлялся кое-кому чуть ли не славянским или, во всяком случае, смешанным. В годы господства у нас идей академика Марра, имевшего склонность рассматривать чуть ли не все языки как «смешанные», «скрещенные», такой взгляд на балкано-романский язык укоренился довольно прочно. Впрочем, он существовал не только у нас, но и за рубежом, где аналогичные идеи высказывались уже с начала XIX² и вплоть до начала XX в.³ За тот же промежуток времени были вскрыты связи балкапо-романского с другими языками Балканского полуострова, а это привело к созданию так называемой «балканской филологии» различных теорий, объясняющих «балканизмы» румынского⁴. Для понимания и правильной оценки балкано-романского они настолько важны, что на них следует остановиться особо⁵.

Сейчас мы считаем нужным указать только на то, что основополагающее определение И. В. Сталиным специфики языка и понятия языкового

¹ Провинция Далмация была результатом первых завоеваний Рима на Балканском полуострове, куда он проник еще в 229 г. до н. э. в область нынешних Трау, Стоб-реча и острова Вис (древний Лисса). К 59 г. до н. э. Рим овладел уже всем северо-западом полуострова (провинция Иллирия); в 40 г. наиболее освоенная его часть была организована в провинцию Далмация. При Диоклетиане (284—305) ее южная часть до нынешнего Эльбасава (с центром в Диррахии) была выделена в особую единицу под названием Praevalitana.

² Ср. идеи скрывшегося под *** «имперского советника» автора «Положений» (Erweis), появившихся в 1823 г. в Галле с дополнениями некоего S. T. (Будапешт, 1827). В конце 20-х и начале 30-х годов «Положения» вызвали оживленную полемику в Будапеште и Трансильвании, в которой приняли участие Bozsinka, Murgu и J. Schuller.

³ H. Schuchardt в письме к Г. Вейганду (1893) в Balkan-Archiv, I, V, и его работы о смешении языков начала XX века.

⁴ Подытожены у Kr. Sandfeld, Linguistique balkanique, Problèmes et résultats (изд. Парижск., лингвист об-ва), Paris, 1930; 2-ое (нов. изд.), Paris, 1943.

⁵ Настоящая статья легла в основу доклада на тему ее заглавия, прочитанного на объединенной сессии Института языкознания Академии Наук СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии в декабре 1951 г. Его первая, вводная глава, посвященная связям балкано-романского с другими языками Балканского полуострова, несколько разросшаяся, появится в виде отдельной статьи.

скрепления чрезвычайно облегчает разрешение и этой сложной проблемы и позволяет устранить всякие сомнения относительно романского типа балкано-романских наречий и всякие ненаучные попытки приписать им «смешанный» характер.

II

Очень важным вопросом является вопрос о родине балкано-романского языка⁶, по выражению Пушкярю, «стоящий вечно открытым». Денсуюшану считает его «основным вопросом румынской истории»⁷. Для И. Богдана «без малейшей тени сомнения... непрерывное наличие румынского элемента на левом берегу Дуная есть истина сама собой разумеющаяся»⁸. Еще около 1460 г. Халкондил, заинтересовавшийся сходством валашского и молдавского с итальянским, говорил, что ни от кого из смертных он не мог узнать, откуда явились в области между Трансильванией и Черным морем, между Богданием (т. е. Молдавией) и Дунаем люди с римским языком и римскими правами и поселились в них. На том же языке, по его мнению, говорят и влахи на Пинде. С тех пор этногенезом валахов и молдаван интересовались авторы хроник XVII и XVIII вв.; позднее немцы: Thunmann, посвятивший ему свои *Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker* (Leipzig, 1774), за которым последовали Зулцер⁹ и Энгель¹⁰, выдвинувшие идею южного происхождения румын. В конце XVIII и начале XIX в. появился целый ряд работ по языку, написанных почти исключительно трансильванцами, частью представителями духовенства¹¹, отстаивавшими национальную румынскую и католическую точку зрения, подчеркивавшими латинское происхождение румынского народа, его непрерывное пребывание в Дакции и, следовательно, его преимущественное право на ее территорию, занятую венграми, а также тезис о проникновении христианства к предкам румын из Рима. Отсюда контроверза и большой политический резонанс, который имели исторические работы, посвященные вопросу о происхождении румынского народа и его языка, отсюда и искусственная латинизация последнего в работах трансильванцев. Через несколько десятков лет контроверза вспыхнула снова в связи с появлением исследования графского историка Р. Резлера¹², после которого, несмотря на возражения и критику Юнга, Пича, Томашека, К. Иречка и др., факт массового позднейшего переселения романцев из-за Дуная на север пришлось принять, и оставалось только подвергнуть основательному не только историческому, но и лингвистическому исследованию румынские элементы к югу от Дуная, которые занимали уже Тунмания.

У нас нет никаких серьезных оснований заподозрить сообщения историков Флавия Вописка (Aurelianus, гл. 39), Евтропия (Breviarium, IX, 15) — оба IV в., Секста Руфа (Breviarium, гл. VIII, 369 г.) относительно оставления императором Аврелианом (271 или 275 г.)¹³ провинции Траяновой Дакции и перевода военных частей, находившихся в ней, и «провинциалов» на юг от Дуная, во вновь основанную провинцию Дакию, названную Аврелиановой. Попытка Иорги рассматривать соответствующий

⁶ Dacoromania, IV, 1924, стр. 1381.

⁷ Histoire de la langue roumaine, Paris, 1901, I, 288.

⁸ Istoriografia română si problemele ei actuale, Acad. Rom., Discurs, XXVII (1905), стр. 17.

⁹ Geschichte d. transalpinischen Dacien, Wien, 1781.

¹⁰ Commentatio de expeditionibus Traiani ad Danubium et origine Valachorum, 1794.

¹¹ С. Клейн, Г. Шьянкай, П. Майор.

¹² Romänische Studien, Leipzig, 1871.

¹³ Фактически выселение некоторых групп из Дакции по собственному почину засвидетельствовано уже ранее.

пассаж Вописка как интерполяцию не имеет сколько-нибудь приемлемых оснований¹⁴, не принята другими румынскими историками, и только в комментариях к термину «провинциалы» наблюдаются расхождения: толковала ли его в более широком или более узком смысле. Допустимо, что некоторая часть романизованного населения, особенно беднейшая, не пожелала оставить провинции, так как после вторжений готов в 211—217, 242, 248 и 249 гг. и особенно после фактического овладения ими Дакией в 260 г. не переоценивала их жестокости и варварства. Тем более вероятно это в отношении туземцев, даков или гетов. К тому же между 364 и 375 гг. готы приняли христианство. С другой стороны, для правильной оценки судьбы романской культуры в оставленной провинции следует иметь в виду, что романизованы были в последней главным образом юго-западные и центральные ее части, так называемая Верхняя Дакия, в Нижней же — только район на запад от Алюты (Ольтения)¹⁵. Наконец, вполне вероятно, что остатки романизованного населения удержались больше всего в придунайской полосе (в будущих банатах Темешском и Крайовском), так как они всегда могли рассчитывать в случае нужды на помощь и убежище у своих задунайских земляков.

Но оставшееся на север от Дуная романское население не могло быть многочисленным или сколько-нибудь значительным, как это предполагают обычно румынские исследователи, и, между прочим, такой осторожный ученый, как О. Денсушяну, допускающий «сохранение [в старой Дакии] несомненно довольно значительного латинского элемента», имел в виду не только население, но и язык¹⁶. Характерно, однако, что этого не подтверждают данные археологии, тогда как таковых собрано немало для истории готов между половиной III в. и второй половиной IV в. Гораздо более прав поэтому А. Филиппиде, говорящий о постепенном угасании римской культуры на север от Дуная и предполагающий, что после постепенного перехода романского населения на правый берег на левом оно свелось «к небольшим остаткам»¹⁷.

Да и трудно ожидать, чтобы местное население сохранилось в большом количестве как таковое, когда оно непрерывно меняло хозяев: за готами (271—375) последовали гунны (375—453), за гуннами — гепиды (453—566), авары (566—799), совместно с которыми — славяне, а далее — мадьяры и турки (печенеги и половцы). Старые населенные места исчезали, и это вполне понятно; но исчезали и названия рек, которые обычно сохраняются. Целый ряд их получил новые наименования, большей частью славянские; относительно же сохранившихся имен, носящих славянскую окраску, трудно сказать, передают ли они дакийские или романские названия¹⁸.

Таким образом, исторические справки не возражают против существования остатков населения в старой Дакии на север от Дуная, но и не дают нам прочных указаний на степень их сохранности, и во всяком случае — оставляют нас в полном неведении относительно их языка. Если следи романской речи и продолжали сохраняться где-нибудь в Траяновой Дакии, то они были вытеснены ее собратом, пришедшим с юга.

¹⁴ N. J o r g a, Le Problème de l'abandon de la Dacie par l'empereur Aurélien в Rev. hist. du sud-est européen, I (1924); стр. 37—54; H o m o, Essai sur le règne de l'empereur Aurélien, Paris, 1914.

¹⁵ См. карту К. Дайковичу у Пушкарю, D. rum. Spr., I., прилож. 28.

¹⁶ Hist. de la l. r., I, стр. 214, 289, 301 и сл. См. также сборник Problema continuității Românilor în Dacia, Сибиу, 1943 (в Biblioteca Astra, № 27).

¹⁷ Originea Românilor, I, 427, стр. 658.

¹⁸ О трудностях при толковании их см. N. D r â g a n u, Români în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticei, București, 1933, стр. 313—319.

Искать его родину за Дунаем побуждают данные языка. Мы уже имеем случаи ссылаться на них выше по поводу так называемых «ближних мов». Как бы критически ни относиться к ним, — не считаться со сходными чертами в соседних языках невозможно. Весьма характерными и древними являются совпадения с албанским, которые могли образоваться только за Дунаем. Они характерны, потому что романским языкам за пределами полуострова они почти неизвестны; они древни, потому что прошли затем в балкапо-романском тот же путь фонетических изменений, что и латинские слова: *seafa* (затылок), отвечающее албано-тосканскому *kjafë* (шея) (этимология дана у Н. Barić, *Albano-rumän. St.*, I, Сараево, 1919, 31). В гегском диалекте Скутари, где *kj > tš*, как *gi > dž*. *tšaf* (шея), показывает то же развитие *k* перед гласными переднего ряда, что и латинское *s* в *sepa* (луковица), румынское *seară*.

Объяснения румыно-албанских связей могут быть различны: мы можем иметь дело с заимствованиями, особенно, когда речь идет о словах, относящихся к характерному для обеих сторон хозяйственному укладу (скотоводство)¹⁹, как, например *brînză* (овечий сыр; исчезло в аромунском, но имеется в греческом, в Эпире *τρύνζα*), или *țarc* (загон для мелкого скота, албанское *thark*). Нужно, однако, заметить, что фонетически полные или почти полные совпадения, поддерживаемые семантикой, не всегда гарантируют заимствование. Сравнительное изучение албанских и румынских слов позволило установить необходимость считаться с общим дороманским источником, каковым является иллирийский или, если допускать их древний контакт, иллирийско-фракийский²⁰. Так, например, *zară* (сыворотка), аромунское *bală*, отвечает албанскому *dhallë*, и соответствия *dh-z* и *ll-r* в них вполне закономерны, но отсюда не следует еще, как и в очень многих словах, список которых дан Росетти²¹, что перед нами прямые заимствования из албанского. Румынские слова могут быть, как и албанские, остатками языка, который некогда жил на полуострове и с которым в какой-то мере имело связь и романизованное его население. При этом отличить элементы иллирийские от проникших в них фракийских остается невозможным, за исключением чрезвычайно редких случаев²². Критерием иллиризма данного слова, более или менее надежным, является его распространение на западе. Так, *baltă* (известны и аромунскому и мегленскому) «озеро, болото», албанское *baltë* «тина, болото», фонетически совпадающее с румынским, но не обязательно заимствованное из албанского, знакомо целому ряду северно-итальянских диалектов (в значении «грязь»). Оно известно и новогреческому и славянским языкам, в которых оно может являться исконным и прямо не связанным с иллирийским. К той же категории принадлежит и румынское *gard* (=аром.=мегл.) в значении «ограды, изгороди»; албанский дает *garth* с тем же значением; членная его форма — *gardh-i*; следовательно, говорить о заимствовании из албанского нельзя, так как албанское *dh* дает в румынском не *d*, а *z*: связь между албанскими и романскими словами поэтому не прямые. Как известно, *gard* хорошо знакомо и славянским языкам.

¹⁹ Ср. замечания и примеры у Н. Treimer'a в *Zs. f. rom. Philol.*, XXXVIII, стр. 391.

²⁰ Как W. Brandenstein у Pauly-Wissowa, *Real-Encycl. d. kl. A.*, под Thrake, стр. 413. — Некоторые иллирийские племена были, может быть, смешанными. Таковы скордиски или трибаллы. Наиболее распространенной является сейчас как-будто точка зрения Н. Jokl'i, видящего в албанцах особую группу, язык которой примыкает и к иллирийскому и к фракийскому. См. *Reallex. d. Vorgeschichte* Эберта, статьи «Албанцы», «Иллирийцы», «Фракийцы».

²¹ *Istoria limb. rom.*, II, стр. 108—124. Ср. также Pușcariu D. rum. Spr., I, 206 и сл.

²² Возможное сведено у Росетти, там же, стр. 55—63.

Как же проявились и развились все эти отмеченные точки соприкосновения между романским и албанским? Совпадения фонетические объяснялись единством субстрата, т. е. сходным строением органов речи. Фонетические навыки имеют, конечно, большое значение, и Филиппиде положил их даже в основу своего построения. Но такое прямолинейное обобщение верного наблюдения едва ли приемлемо, так как даже характерное произношение может меняться от одной группы говорящих к другой и от одной местности к другой; оно испытывает на себе, как всё в говорящей среде, влияние исторических условий и по-разному реагирует на соперника в зависимости от того, появился ли последний в пору, когда старый язык сложился или только складывается. Наконец, влияние субстрата сказывается и естественно должно сказываться неравномерно. Едва ли можно поэтому приписывать то или иное произношение целой народности, в то время как оно может характеризовать только часть ее и лишь со временем получить большее или меньшее распространение.

Тем труднее и ненадежнее исходить из идеи субстрата при объяснении более сложных процессов в языке, и притом в более позднюю эпоху, когда «субстрат» (подслой) уже успел раствориться в основном населении, а его язык исчезнуть окончательно в языке-победителе этого последнего. Такова же роль и так называемого «адстрата» и «суперстрата». И вот почему албанский, который Фридвагнер считал древнейшей примесью к балкано-романскому²³, не превратил его в язык смешанного типа, как не сделал этого и славянский суперстрат, о котором мы говорили выше и к которому еще вернемся.

При контакте не получается третьего языка. Происходит не смешение, а лишь оседание некоторых элементов, и притом не на основных для языка-победителя участках. Основой процесса является систематическое общение, осуществляется ли оно в форме контакта двух самостоятельных общностей или в форме внедрения одной из них в другую. Примером первой может служить отношение между болгарами и дако-романцами в пору самостоятельного существования Валахии и Молдавии, примером второй — симбиоз славянского и романского элементов на заре возникновения первых славяно-романских государственных образований, члены которых и кровно смешивались между собой.

Но если контакт с албанцами, или, лучше, их предками, относится к древнейшей поре истории балканских романцев, то важно установить где он мог происходить.

Упоминания об албанцах начинаются с XI в.; под 1079 г. их поселения находят между Охридой и Салониками и в Эпире. На этом обстоятельстве, как и на факте отсутствия у них терминов рыболовства, основывалось предположение, что албанцы не жили в местах их нынешнего поселения, а пришли из областей полуострова, лежащих восточнее²⁴. Skok ставит название албанского народа — шкипетары в связь с названием столицы Дардании — Скупис (алб. Шкип), что возможно²⁵. Дардания примыкала непосредственно к Аврелиановой Дакии, распадавшейся на две единицы: Дакию прибрежную, т. е. придунайскую (приблизительно между Виминацием и р. Искером, с центром в Ратиарии — нынешний Арчер близ Видина) и лежащую к югу от нее Дакию средиземную, с центром в Сердице — нынешняя София. Новая провинция составила из частей старых Мезий

²³ M. Friedwagner, Über die Sprache u. Heimat d. Rumänen в Zs. f. rom. Philol., LIV (1934), стр. 665.

²⁴ Н. Йокль в Real-Lex. d. Vorgesch., I, стр. 92; у нас А. М. Селищев, Слав. насел. в Албании, София, 1931, стр. 49 и сл., 73 и сл. — Пришельцами в Албании считает албанцев и Филиппиде, Orig., II, стр. 771 и сл.

²⁵ См. Zs. f. rom. Philol., LIV, стр. 280.

(Верхней и Нижней) и южными своими районами, через Дарданию, примыкала к Македонии, а юго-западными, через ту же Дарданию, к Далмации, точнее — к Превалис и Новому Эпиру, соответствующим приблизительно нынешней Албании. На северо-западе Новая Дакия была смежной с Верхней Мезией, которая граничила непосредственно с Паннонией; впрочем, с Нижней Паннонией ее связывал и Дунай. Центральные части этих романских областей находились в бассейнах рек Тимок, Моравы и частично Вардара, т. е. на территориях, через которые проходила великая римская дорога, связывавшая Адриатическое побережье (Диррахий) с долиной Дуная через Скодру — Найс (Ниш) — устье Моравы, с ответвлением Найс — Ратиария, пересекавшим Дакию прибрежную. Западной границей Новой Дакии являлся (приблизительно) бассейн р. Дрины.

Достаточно просмотреть границы этих областей на карте, чтобы понять возможность общения и связи с албанцами (кто бы они ни были) и с теми фрако-иллирийцами, которые сидели между Дунаем, нижней Тиссой и Искром. Эти же области являются центральной частью обширной территории, на которой были распространены латинский язык и культура. От границы между Нижней Мезией и Прибрежной Дакией на запад территория эта значительно расширялась; на востоке (т. е. в Нижней Мезии) она представлялась довольно узкой полосой, тянувшейся вдоль Дуная до его устья²⁶. В конце IV в. эта центральная часть Восточной Романии, если присоединить к ней Македонию, составляла Дакийскую диоцезу. Ее западная граница являлась в то же время и политической границей между Западной и Восточной империями.

Здесь, в северных и центральных районах диоцезы, следует искать «колыбели» той романской речи, которая, как тип, лежит в основании ее позднейших разновидностей, продолжающих существовать на юге и на севере от Дуная. Носители ее распространялись отсюда и на запад и на восток. На территории сербо-хорватского мы до сих пор встречаем следы романской топонимии, особенно в названиях гор и горных местностей. Типичны для последних такие названия, как *Dormitor* (*Dormitor*, в бассейне Верхней Дрины), *Cipitor* (*atipitor* «дремлющий»), *Visitor* (*visator* «свидетель»), связанные все с идеей сна, отдыха для стад, пасущихся на горных пастбищах; планина *Koracnik*, на Верхнем Ибаре, от *koraci* «дерево»; ср. там же вершину Боровняк. В старых грамотах у сербов и хорватов можно встретить такие имена, как *Barbat* (собственно бородастый), *Verbos* (*barbos* «бородастый»), *Fecor* (= *fecior* «парень») *Micul* (= *micul* «малый»), *Sarapa* (= *sare* ара «прыгает через воду»), как *Sarebiere* (= *Sare bine* «прыгает хорошо»), с ротацизмом, как в *Zmantana* (*smântână* «сметана»). Румынское население Истрии, когда-то гораздо более многочисленное и сейчас ославянивающееся, составилось из романцев, некогда живших на сербо-хорватской территории. Такого же происхождения и моро-влахи.

На востоке романцы-румыны продвигались на земли, занятые болгарами, где они со временем так же ассимилировались, оставив, однако, память о себе в местной топонимике и ономастике: *Крул* (*cârnu* «курносый»), *Кречул* (*crețul* «курчавый»), *Вакарел* (местное название, уменьшительное от *vasar* «коровий пастух») и т. п.; но здесь на востоке следов этих значительно меньше, чем на западе. Нельзя не отметить влияния румынского на болгарский словарь, поскольку оно касается очень древнего слоя. Таковы, например, христианские термины романского происхождения, как *алтар*, *крачун* (*salatione*, с ротацированным l), *русалии*, *камъканье* (*communicatio*, причащение) и т. п., относящиеся ко временам связи ру-

²⁶ См. карту у Росетти в приложении ко II тому его *Istoria*.

мын с западным христианством, предшествовавшей связи с греко-болгарским²⁷.

Так протекала иррадиация романизма из его основного центра. Следующим важным вопросом в румынистике является вопрос о причинах, путях, времени и последствиях этого «растекания» романской речи на юге и на севере от Дуная.

III

В своей работе о славянских элементах в румынском (в *Denkschriften* Венской Академии Наук, XII, 1862) Фр. Миклошич, приурочивая контакт между румынами и славянами к концу V и VI в., утверждал, что романское население полуострова было вытеснено славянами из занимавшейся им территории, после чего часть его двинулась на юг (аромуны), другая часть — за Дунай.

Р. Резлер, видевший родину румын за Дунаем, утверждал, что «Мезия и Иллирик, север и запад полуострова, были романизованы в гораздо большей степени, чем это думали до сих пор. Балканский полуостров был исходным пунктом румынского народа, который постепенно передвинулся в пустые и мало населенные северные территории и окончательно занял юго-восток Европы». Он датирует это переселение концом XII и XIII в. и связывает его с борьбой валахов в Мезии за независимость против Византии (второе болгарское царство). Основанием для его положения служило отсутствие упоминания валахов в надежных исторических источниках (аноним Белы был им заподозрен).

Резлеру возражали Юнг и Пич, затем румыны — историк Ксенопол и Оичул²⁸. Мы не будем останавливаться на этих возражениях, поскольку желающий вкратце познакомиться с ними может обратиться к работе М. В. Сергиевского²⁹, поскольку все положительное в их критике стало давно общепринятым и использовано О. Денсуйану, выводившим румын из Иллирии (в его *Histoire de la langue roumaine*, I), и всеми, кто писал по этому вопросу позднее. Основным положением Ксенопола и Оичула является тезис о сохранности в Дакии романизованного населения. Появления затем валахов на севере от Дуная Ксенопол объясняет возникновением на юге от него валахо-болгарского государства, откуда совершился затем приток валахов на север. Оичул ограничивает романский элемент в старой Дакии областью между рр. Темешем и Алпотой и западными частями Трансильвании и допускает в дальнейшем постоянное переселение романцев из областей полуострова на север от Дуная. На идее «непрерывности» настаивал и румынский славист И. Барбулеску, относивший контакт со славянами к XI—XII вв. (среднеболгарский период)³⁰. Наибольшей четкостью и обоснованностью отличается ответ на вопрос о том, где могло сосредоточиться по преимуществу романское население в IV и последующих веках, данный А. Филиппиде³¹. После детальной-

²⁷ Мутафчиев считает подобные слова заимствованными из «романского». Влияние румынского на болгарский он признает гораздо менее значительным вообще, *Bulgares et Roumains*, стр. 313—322. — Богатый материал для румыно-славянских сопоставлений собран Кениданом в его *Elementul slav in dialectul aromân în Daco-romania*, III, стр. 129—238, IV, стр. 1252 и сл.

²⁸ Хенрол, *Teoria lui Rösler*, Ясы 1884; Оичул, *Teoria lui Rösler în Convorbiri literare*, XIX, 1885.

²⁹ «Молдавские этюды» в Трудах Моск. ин-та истор., философ. и литер., т. V, сб. статей по языков., М., 1939, гл. I.

³⁰ *Naşterea individualităţii limbii române şi elementul slav în Arhiva* за 1922—1928 гг. Ср. также его *Probleme capitale ale slavisticii la Români*, Ясы, 1906.

³¹ А. Филиппиде, *Originea Românilor*, I, Ясы, 1925; II, 1928. О выходе румын из-за Дуная у нас писал акад. А. И. Соболевский, Румыны среди славянских народов. Речь на собрании Академии Наук 29 дек. 1916 г. Петроград, 1917.

шего анализа материала автор приходит к выводу, что некогда обширная территория империи на севере и на юге от Дуная (Orig., I, стр. 834 и сл., II, 569 и сл.) постепенно сокращалась, так как сама империя, начиная с первой половины IV в., последовательно оставляла значительные ее части: лежащую на левом берегу Дуная часть Нижней Мезии — между 235 и 238 гг., Дакию, Олteniю, Трансильванию и Банат — в 268 г., Нижняя Паннония же (Сирмиум) была захвачена гуннами в 377 г. Позднее, в 582 г., при эвакуации Нижней Паннонии, ее римское население было переведено за р. Саву. Романское и романизованное население этих областей перебралось за южный берег Дуная, а то, что оставалось на севере, либо растворилось среди пришельцев, либо сохранилось в какой-то мере на месте, пока туда не явились их собратья из-за Дуная³². В те же III—IV вв. новая трещина пересекала романизованную территорию полуострова: при Диоклетиане Далмация была отделена от восточной его половины; в 398 г. она вошла в состав западноримской империи, а Мезия — в состав восточной. Связи между западными и восточными областями ослабли, и развитие латинского языка в каждой из них пошло своим путем. Поэтому и Филиппиде после детального анализа исторических данных переходит к такому же детальному анализу данных языка восточной, балкано-романской половины.

Пространство, занятое этой восточной половиной, было в достаточной мере обширно, чтобы допускать наличие ранних расхождений в латинской речи, на которой говорило ее население, но в то же время и достаточно цельным, внутренне связанным благодаря административному устройству, культурной традиции, постоянному общению отдельных областей между собой и наличию задающих тон крупных центров³³, чтобы, несмотря на пестроту населения (вскрытую Филиппиде), язык его представлял некое единство с точки зрения, единообразие основного словарного фонда и грамматического строя. Иначе дальнейшая его дифференциация, обусловленная историческими условиями, не позволили бы македо-румынскому, истро- и дако-румынскому, при всех их расхождениях, сохранить единство типа.

При всей его близости к общеперской живой латыни (койнэ) в нем стали обнаруживаться, как и во всех других романских языках, некоторые характерные новые черты, отделившие его от его романских собратьев и прежде всего от далматинского.

Отрыв мог произойти только после прекращения связей с Западом. Большая часть Иллирии отошла в 395 г. к западной половине империи, и р. Дрина стала скоро в известной мере языковой границей. Обстановка для дальнейшего отхода должна была стать более благоприятной после падения господства империи (602) и особенно после замены латыни греческим в государстве и церкви (605). На судьбу языка это обстоятельство должно было повлиять больше, нежели вторжение славян, особенно на первых порах. Влияние славян стало значительной силой только в условиях роста государственных и церковных связей со славянством.

Когда и при каких условиях углубились расхождения внутри балкано-романской речи, т. е. когда и при каких условиях стала складываться аромунская, мегленская, истро- и дако-румынская разновидности, —

³² Orig., I, стр. 834.

³³ Следует отметить также особую заботу об этой области отдельных императоров, ее уроженцев. Константин Великий был родом из Найса, Юстиниан — из окрестностей Скопье. При нем Скопье стало центром обширной метрополии (535), охватывавшей Новую Дакию, Верхнюю Мезию, Превалитану, Македонию II и восточную часть Нижней Паннонии. Позднее церковный центр был перенесен в Охрид, но единство церковной области просуществовало целый ряд веков. Церковь объединяла то, что уже было объединено самой жизнью в целом.

являются до сих пор вопросами, не разрешенными окончательно. Сравнительно небольшое количество в аромунском албанских и древнеболгарских элементов, полное отсутствие мадьярских и среднеболгарских черт свидетельствует как будто в пользу того взгляда, что перемещение аромун следует датировать не позднее X в. Но это не дает даты начала движения, так как установить время контакта с албанским — чрезвычайно трудная и до сих пор не разрешенная задача: даты перемещения у различных исследователей колеблются между древнейшей эпохой, III—IV, IV—VI вв. и т. д. до X-го. Но так как отход той или другой части балкано-романской группы мог быть длительным, то вопрос осложняется еще более³⁴. Так или иначе, отделение аромун должно было произойти до X в.³⁵ Так как в XI в. они жили в южных областях полуострова уже в настолько значительном количестве, что в 1065 г. Никуллица мог поднять в Фессалии целое восстание их против Византии. С XII в. упоминания о них становятся все более частыми. Анализ данных языка также не позволяет уточнить хронологию отрыва. На юге Филиппиде отправлялся от трактовки лат. *c*, *g* + *e*, *i*, которые дали в аромунском *ts*, *dz*, в дако-румынском *č*, *ğ* (*caelum* > *čer*, *ter*, *gelu* > *ger*, *dzer*). Эту палатализацию он относил к первой половине VI в.³⁶ В латинском ассимиляция с может быть отнесена к V в. (*g* — несколько ранее). Но она развивалась в Романии на протяжении долгого времени и неравномерно. Девото³⁷ считает сохранение *s*=*k* характерным для Востока. Действительно, мы имеем его не только в Далмации и Иллирии (албанское *kjel* < *caelu*, вельтское *kaina* < *senai*), но и в Сардинии (*kenape* < *senape*)³⁸. До балкано-романского дошло, вероятно, только палатальное *k*, даже перед *i* (как в албанском *kjink* < *šimice*, *kjine* < *centum* и соответственно — *gjint* < *gente*). Дальнейшее естественное развитие *s* и *g* в *č*, *ğ* и *ts* в *dz* могло происходить независимо в различных группах балкано-романского, но на это нужно было время. Следовательно, его нельзя датировать VI в., как и упомянутый выше отход группы на юг. Дако- и истро-румынский трактует латинское *s* и *g* перед *e* и *i* одинаково (у истро-румын рефлексy их позднее приобрели особую форму).

Так как наши интересы сосредоточены на дако-румынском, то мы не можем останавливаться на деталях процесса разъединения. Причину перемещений обычно видят в давлении славян, которые уже в VI в., сломив сопротивление императора Маврикия (582—602), начали переходить Дунай массами и распространяться по полуострову, особенно в его восточных областях, лежавших ближе к его центру, Византии, привлекавшей варваров, как на западе Рим. На освободившиеся территории потянулись романские переселенцы из-за Дуная. Движение это должно было быть, естественно, продолжительным и происходило в обратном направлении славян направления. Открытым остается вопрос о том, насколько быстро реагировало романское население Новой Дакии на славянское вторжение, так как ведь в эту раннюю эпоху восточная половина полуострова обладала большей притягательной силой, нежели западная, в которой

³⁴ Если учесть склонность этого пастушеского населения к передвижению, то следует считать это вполне вероятным. Уже в VIII в. Томашек отмечает наличие их на Халкидском полуострове у р. Рихиос («Влахорихины»); см. *Zur Kunde d. Hämshalbinsel* в *Denkschriften* Венской Академии Наук, 1882, стр. 476.

³⁵ В 976 г. их отмечают в области между оз. Преспа и Охридой; они были пастухами и возчиками.

³⁶ Orig., II, стр. 166, 225—230.

³⁷ *Storia della lingua di Roma*, Roma, 1940, стр. 301.

³⁸ С *k* и *g* видят в сохранении *s* и *g* в далматинском и албанском влияние «культурного» произношения (*Zs. f. rom. Philol.*, L. стр. 510), что мало вероятно. — Аромунское *ts* как будто древнее славянских заимствований.

издавна романсы чувствовали себя в большей безопасности. Вот почему дата 600 г., с которого началось продвижение предков румын на север, по мнению Филиппиде, может быть, требует оговорок. Центральным местом его исследования является установление путей передвижения. Ни до, ни после него никто не дал нам такой детальной картины движения на север, с которой нельзя не считаться.

Передвижение представляется Филиппиде — и, как нам кажется, правильно — в виде волн, и, следовательно, длительного процесса, охватывающего время с VII до начала XIII в., когда оно закончилось³⁹. Переселение происходило в виде двух не связанных между собой потоков. Один, «балкано-транскарапатский»⁴⁰ двигался из-за Дуная в Банат и Трансильванию (кроме ее юго-востока) и далее — в Молдавию, Буковину и Бессарабию; другой, «мунтянская ветвь», — с правого берега Дуная (следовательно, из Прибрежной Дакии и восточной части Нижней Мезии) непосредственно в Мунтению (Большую Валахию), затем в Трансильванию (ее юго-восток, центром которого стал впоследствии Брашов, и долину верхней Алюты — Фэгэраш). В Ольтении (Малую Валахию) проникли части обоих потоков. Таким образом, «Молдавия и Мунтения не имеют генетической (разные ветви) и исторической связи»⁴¹. Переселение вызвано, по Филиппиде, очищением территории к северу от Дуная славянами в VI—VII вв., и на освободившиеся от романцев места между Искером и Дриной двинулись в XIII в. сербы. В XI в. места эти уже в значительной мере потеряли свое население, так как византийское правительство переселило на них покоренных печенегов (1048-1049 гг.; Кедрен, II, 587, 14).

Но если Молдавия не связана генетически с Мунтенией, то, как это устанавливает Филиппиде, она связана с Трансильванией, и связь эта поддерживается данными языка, общими у обеих областей. Этому соответствует и заселение Буковины, а затем Молдавии из Трансильвании и, наконец, — Бессарабии из Буковины. Этому отвечают и данные языка в Бессарабии, в котором черты архаические (dz, dz) переплетаются с новшествами (вроде смягчения зубных перед e, i, перехода палатализованного с (= k) в палатализованное t и смягчения губных перед йотом).

Если первый поток Филиппиде не вызывает возражений, то движение с юга на север в Мунтению из Нижней Мезии, как базы между VII и XII вв., едва ли может представляться таковым⁴². Романские элементы на правом берегу Дуная могли еще как-нибудь сохраняться в городах, но они были уничтожены к началу VII в. Следов валахов на левом берегу Нижнего Дуная не имеется до XIV в.⁴³ Упоминание их Никитой Акоминатом под 1198 г. на севере от Дуная совместно со скифами, совершавшими нападения на южный берег (sobors Vlachorum), имеет в виду отдельные группы, составленные из бродячих элементов. Об аналогичной роли их говорит под 1164 г. и Киннам. В течение VII—X вв. византийские источники о валахах на том и другом берегу реки молчат. Они упоминают только славян. Один из византийских историков IX в. говорит о «Болгарии об ону сторону р. Истра». Задунайские земли входили в состав болгарского государства от Крума до Петра (умер в 969 г.). В 899 г. левобережье было занято печенегами, а в 1091 — куманами. Мутафчиев считает невозможным, чтобы на запад от Алюты сохранялось романское население. По мнению румынского историка Ончула, первые

³⁹ Orig., I, стр. 857—858; II, стр. 386 и сл.

⁴⁰ Там же, II, стр. 404—405.

⁴¹ Там же, II, стр. 389.

⁴² М у т а ф ч и е в, цит. раб., стр. 233.

⁴³ Там же, стр. 107.

румынские поселения на восток от Алюты (и от Карпат) стали возможны только в XII в. Условия, благоприятствовавшие этой колонизации элементами, спустившимися с гор, наступили только в XI в.⁴⁴. После падения первого болгарского царства (1018) на нижнем Дунае была образована тема Паристрион, с византийским управлением и болгарским населением. Восстание 1186 г. и образование второго болгарского царства, в котором вlahи сыграли, может быть, известную роль, еще не значит, что в состав его населения входило значительное количество вlahов, что отнюдь не исключает, конечно, в составе его валахского элемента. Во всяком случае показательно, что уже с начала XIII в. о валахах в связи с новым государством речи нет и оно фигурирует уже просто как болгарское⁴⁵. По нашему мнению, чрезвычайно характерен термин Мунтения, обозначавший Валахию. Он совпадает со старой легендой о том, что валахи под предводительством Радуги Негру или при Тихомире-Иванко спустились с гор (уже после ухода печенегов и куманов) и овладели Дунайской низменностью. Не на то же ли указывает и последовательная смена центров: Кымпулунг, Тырговиште, Бухарест? Как оправдать в отношении валахов название их мунтянами, если они искони были жителями валахской низменности?

М. В. Сергиевский принимал гипотезу Филиппиде, так как несвязность потоков позволяла ему подчеркивать самостоятельность молдавского и считать его особым языком. Но ведь Филиппиде все же связывает молдавский с трансильванским и говорит о них как о дако-романском языке. Да и у Сергиевского формулировки не всегда достаточно четки: валахский и молдавский он называет диалектами дако-романского, что не мешает ему, однако, четырем страницами дальше говорить о румынском и молдавском языках⁴⁶. Любый «территориальный диалект» может превратиться при известных условиях в язык нации. Можно себе представить, что такое превращение переживают два близкие один к одному диалекта параллельно; но они тем самым еще не получают ни о с о б о г о основного словарного фонда, ни о с о б о г о грамматического строя каждый. Едва ли можно доказать, что при всех своих различиях языки Америки и Англии два разных языка.

IV

Славянское влияние на романскую речь датируется различно: одни (Дужглия в *Dacoromania*, III, 605; Денсушяну, *Hist.*, I, 241; Папахаджи в *Grai și suflet*, I, 211; III, 94; Скок в *Slavia*, VI, 127; XI, 614) относят его ко времени до IX в. (уже к VI—VII), другие (Гамильшер в *Zschr. f. rom. Philol.*) — не ранее, чем к X в. Бэрбулеску доказывал, что контакт со славянами (болгарами) мог произойти только в X—XI вв. на территории Дакии, где румыны сидели искони⁴⁷. Его аргумент — среднеболгарская фонетика заимствований, против чего возражал уже Сайдфельд⁴⁸. Кульминацию славянского влияния И. Богдан относил к XI⁴⁹, Капидан — к XII в.⁵⁰. Главную массу заимствованных слов составляют болгарские; остальные славянские языки представлены значительно слабее.

⁴⁴ Bull. sect. hist. Рум. Академии Наук, IX (1919) 1-2, стр. 18.

⁴⁵ М у т а ф ч и е в, цит. раб., стр. 324. — О симбиозе вlahов и болгар во втором царстве говорит S a n d f e l d, *Linguistique balkanique*, стр. 171.

⁴⁶ См. его «Молдавские этюды» в Трудах моск. ин-та истор., философ. и литер., т. V, М., 1939, стр. 189, 190.

⁴⁷ Nașterea individualității limbii române și elementul slav.

⁴⁸ Ling. balk., стр. 83.

⁴⁹ У Capidan, *Dacoromania*, III, стр. 130.

⁵⁰ Там же, IV, стр. 1256 и сл.

Начало заимствований и, следовательно, контакта относится к очень отдаленной поре, так как ряд заимствованных слов принадлежит к очень глубокому словарному слою и является общим для всех разновидностей балкано-романской речи, в которой они вытеснили соответствующие латинские элементы. Таковы, например, *babă* (баба), устранившее латинское *apud* или *vetula* (сохранившееся как прилагательное в *vechi*), *coasă* (пестро-румынское *cosa*) — коса вместо *falx* (румынское *falce* — 1,2 десятины земли); *colac, culac*, ср. русское калач вместо *colac* (от коло) — печенье круглой формы; глагол *darui* — давать (из *даровати* — дарую) вместо латинского *donare*, *nevastă* (невеста) — жена; *gol* (нагой, пустой) вместо *nudus* или *vacuus*; *slab* (слабый), *rană* (рана) и др. Очень интересно переосмысление некоторых латинских слов; по типу славянского *играть* = *играти* и *плясать*, это последнее значение получил и латинский глагол *jocare, jocă, džocă, zocă*; по типу *цвет* — *floare* стало обозначать и цветок и цвет; по типу *свет* — латинское *lumen* > *lume* стало обозначать мир (и притом во всех диалектах); значение света осталось за ним только кое-где в дако-румынском, и притом лишь в выражении *lumea ochilor*.

Усваивая славянские слова, предки румын обрабатывали их согласно требованиям своей речи. Так, большой юс (-ноевое открытое о) был трактован наравне с латинскими о + п: *scump* (скуп) — как *muște, lung, cumpăr*. Такие же формы, как *mândru* (мудр) отвечают более позднему среднеболгарскому произношению большого юса как ън, т. е. румынское *ân*, откуда затем *ân*⁵¹. Все эти процессы должны были происходить до XI в., когда носовой в юсах перестал звучать.

На древность заимствований указывает и передача *ѣ* как *и*, например, в *sută*, или *ѣ* как дифтонга *ea* в *nevastă*, где *ea* > *a* перед следующим *a*.

Таким образом, древнейший слой заимствований можно датировать еще концом VII—VIII в., до той поры, когда наметилось образование аромунской группы и начался отход ее на юг. Усвоение славянских слов обнимало известный период, так как некоторые из них, даже более давние, уже вошли в язык после того, как ряд старых фонетических процессов завершился. Так, в *gana* и *hrana* (питание) *a* перед *n* сохранилось (латинское *lana* > *lână, lanus*, > *mână*), а *n* не превратилось еще в *g*, т. е. ротацизм, который Росетти считает явлением поздним, наступил после распада балкано-романского на диалекты (Rhotacism., 53).

Славянское (болгарское) влияние значительно усилилось, особенно когда территория болгарского государства стала расширяться на запад и на север, с начала IX столетия. Важным событием явилось принятие болгарами христианства при Борисе I, в 864 г., что облегчило связи с бывшими язычниками, но особенно важным было подчинение романского населения греко-болгарской церкви при царе Симеоне (893—927).

Ни в это время, ни раньше общение со славянами не привело к коренной перестройке языка. Вейганд говорит о румынском, как о языке славяно-романском. Позднее Денсушяну⁵² утверждал, что «балкано-романский стал румынским... только со времени нашествия славян». И совсем недавно Мутафчиев заявлял, что считает возможным называть румынский румынским лишь на той ступени, когда он впитал в себя славянские элементы⁵³. Но ведь тогда и испанский следует называть испанским

⁵¹ Но *ân* напоминает латинское *lână* < *lana, câmp* < *camp*. Может быть, двойное отражение параллельно и обусловлено заимствованием из разных источников: в одних областях юс давал *ѣ*, произнесенное в *a*, в других — *o*. Бифуркацию определило исходное произношение, в котором были элементы *a* и *o* (а). Возможно, что были колебания и в пределах одного диалекта.

⁵² Histoire, I, стр. 240.

⁵³ Цит. раб., стр. 78, 293.

лишь после того, как он усвоил арабские элементы. Балкано-романскую группу отделяют от других романских языков не славянизмы, а те черты, которые развились в этом продолжателе общемперского койна после его отрыва от западной половины империи, черты его основного словарного фонда и грамматического строя. В английском языке французского элемента не меньше, чем славянского элемента в румынском, но это не сделало его языком франко-германским.

Большая часть заимствованных болгарских слов носит среднеболгарский характер, а с другой стороны, уже в древнейших из них, общих всем разновидностям балкано-романского, имеются черты восточноболгарского наречия (например, рефлексы *ѣ* как *ea*, *ѣ* как *o*). Черты эти могли быть усвоены в пору общения со вторым болгарским царством (конец XII — половина XIII в.). Но они могли быть усвоены и в Трансильвании, где славянские элементы осели давно, откуда они спускались затем к Дунаю и куда они также притекали позднее, когда за Дунаем организовалось первое болгарское царство. На далекий север славян привлекали месторождения соли в Марамуреше и Шареше. Венгерские источники, говорят о том, что когда мадьяры проникли в Трансильванию (X—XI вв.), они застали там славяно-романские воеводства со славянскими воеводами вроде Менуморута. Возможно, что язык болгар в Трансильвании принадлежал восточно-болгарскому типу.

Только таким ранним контактом со славянами можно объяснить проникновение в романскую среду славянского богослужения и соответственной славянской терминологии, вытеснившей старую латинскую. Не тем же ли путем проникали еще в X в. в мадьярский слова вроде *kereszt* «крест», *szombat* «суббота» и т. п.⁵⁴

Вопросом о времени, к которому можно отнести наличие романского и мадьярского населения на север от Дуная и Савы, много занимался Н. Дрэгану. Им тщательно исследована ономастика и топонимика этих областей славянского характера⁵⁵. По мнению автора, большая часть их носит древнеболгарский отпечаток, хотя среди них имеются и среднеболгарские (поздние) формы. Материал грамот, касающихся Трансильвании до 1200 г., дает очень мало. Дрэгану полагает, что мадьяры проникли в эту «область за большим лесом», *Erdöelü* (позднейшее *Erdély* > румынское *Ardeal*) не ранее 1074 г.⁵⁶ Грамоты, упоминающие владов, начинаются только с 1222 г. Но это отнюдь не мешает, конечно, допустить их более раннюю наличность в области. Во всяком случае именной материал свидетельствует о значительном количестве мест, занятых поселенцами-румынами. Показания историков очень немногочисленны и не всегда надежны. К последней категории относится анонимный автор «Деяний венгров», некий нотариус короля Белы IV (?), отведенный Резлером. Но каково бы ни было происхождение этой хроники, кое-что в ней находит поддержку в открытой позднее *Descriptio Europae Orientalis* 1308 г., отражающей, однако, в отдельных местах традицию, восходящую к XII в.⁵⁷ И «Описание» упоминает о «ластбишах румын» в эпоху появления мадьяр. С этим связано и известное показание Начальной летописи об уграх, проследовавших мимо Киева на запад (в 898 г.). Автор и говорит, что угры, пришедшие с востока, задержавшись недолго на Руси, двинулись через высокие горы (Карпаты) и здесь столкнулись с волохами и словенами, которых подчинили себе волохи. Угры изгнали

⁵⁴ N. Drăganu, *România în veacurile IX—XIV*, 1933, стр. 592.

⁵⁵ Цит. работа.

⁵⁶ Там же, стр. 32, 422.

⁵⁷ См. работу J. Deeg'a в *Mitt. d. österr. Inst. f. Geschichtsforschung*, XLV (Wien, 1931). Там же пересмотр вопроса об аномии Белы.

волохов, отобрали у них землю, которую и заселили вместе со славянами. Термин «волохове» не вполне ясен. Шахматов видел в них румын. Но они упоминаются рядом с франками, немцами, каролингами и т. д., и вполне возможно, что Летопись и ее источник имели в виду франков, т. е. население части бывшей римской империи, и что речь идет о северной Венгрии, куда мадьяры спустились с гор, положив начало своему государству. Для такой ранней поры трудно предположить, чтобы волохи держали в подчинении славян, в то время как об обратном свидетельствуют данные о славяно-романских воеводствах в Трансильвании. Но показания Летописи совпадают с двумя другими, приведенными выше, и свидетельствуют о наличии в северной Венгрии славянского населения, оставшегося там и после прихода мадьяр.

В качестве не хозяев, а простых насельников подлинные волохи, т. е. предки румын «северного потока или ветви» Филиппиде, могли, однако, в некотором количестве (вероятно, и мадьяры-то направились в эту сторону, потому что она была мало населена) находиться здесь совместно со славянами. Э. Петрович полагает, что этими славянами были предки словаков, так как палатализация зубных, характерная для запада и северо-запада дако-румынской области (*grache* вместо *grate*, *gincolo* вместо *dincolo*), из всех славян известна только словакам⁵⁸. Правда, в румынском явлении это засвидетельствовано только с XV в., но оно, по мнению Петровича, несомненно старше, что готовы принять и мы. Однако мы встретили его и в восточно-болгарском (гънь вместо дънь, кьебе вместо тебе и т. п.). Если видеть в нем очень старую черту, то этому не противоречило бы наше предположение, что славянский элемент в Трансильвании, который застали там пришедшие с юга романцы, был болгарским, в котором развивались черты, нашедшие себе затем более полное выражение в восточно-болгарском.

Распространение первой балкано-транскарпатской ветви Филиппиде на север привело к контакту с восточными славянами. Миклошич и Калужняцкий определили кульминацию проникновения румын в северные Карпаты XV и XVI вв.⁵⁹ Материалы, собранные Н. Дрэгану⁶⁰, говорят о продвижении румын в этом направлении не только в конце XII — начале XIII в., но уже в XI в. Были ли это одиночки или более или менее незначительные группы, сказать трудно. Среди множества местных румынских названий, собранных Й. Йорданом⁶¹ и G. Kirsch'ем⁶², имеется немало украинских, указывающих на движение населения: *Ciorneiul* (окрестности Романа), *Dubrova*, *Dubrovița*, *Dubrovățul* (Васлуй) и т. п. указывают на то, что в ряде мест мы имеем дело с названиями, данными более старыми насельниками, на которые легли затем новые, сохраняющие иногда южнославянскую форму; так, Солотина и Слатина, Сторожа, Сторожинец (Буковина) и Стража. В молдавском имеется ряд украинских лексических заимствований, но нередко встречаются и обратные явления⁶³. 14-я карта у Пушкирю дает наглядное представление о широком распространении на романской территории такого украинского слова, как голубь. В форме *hulub* оно охватывает всю Буковину и Молдавию; латинские слова для обозначения голубя распределяются между Валахией (*porumbel*), Трансильванией (*porumb*); Банат,

⁵⁸ Transilvania, стр. 73, 149—155.

⁵⁹ Miklosich Über die Wanderung d. Rumunen в Denkschriften Венской Академии Наук истор.-филол. отд., XXX (1879); Historische Notiz, von Kaluzniacki, стр. 7, 40 и сл.

⁶⁰ Românii în veacurile IX—XIV, стр. 223, 403.

⁶¹ Rumanische Toponomastik, I—II, 1924—1926.

⁶² Siebenourgen im Lichte der Sprache, 1926.

⁶³ Примеры у Пушкирю, Die rum. Spr., стр. 391 сл.

Истрия и Меглен имеют старославянское *golumb*. Романские элементы проникали не только в Покутье (центр Коломыя), но и в Подолью. Здесь они были ассимилированы, и только еще местные названия свидетельствуют о старом их населении.

В галицийских грамотах румыны упоминаются только с 1334 г. Но письменные документы, как всегда, опаздывают. Самое раннее письменное свидетельство о валахах на рубеже Галиции принадлежит византийскому исторiku Никите Хоннату и относится к 1164 году.

Аналогичный процесс продвижения, денационализации и оставления памяти о себе в топонимике и словаре имел место и на польской территории, равно как и полонизмы в румынском⁶⁴. Вопросу о румынах в Польше посвящена работа Вендковича⁶⁵; о влахах в Покутье в статье Нистора⁶⁶ и частью в его «Истории Бессарабии». Переходы в Галицию предпринимались, очевидно, в ту пору, когда происходило движение в Буковину и Молдавию и в связи с той же причиной, нажимом венгров, осваивавших северные части Трансильвании. Исследование Вендковича вскрыло связь заимствований в польском из трансильванских наречий (ротацизм).

V

Приведенные выше данные позволяют установить довольно раннее присутствие в северной Трансильвании романского населения, хотя мы и лишены возможности более точного определения времени его появления здесь. Если мы застаем его в Галиции в XII в., и это уже факт экспансии, если мы знаем, что с конца XI в. мадьяры уже стали распространяться в Трансильванию, то именно с усилением этого процесса приходится ставить в связь передвижение романского и романо-славянского населения на новые места. Осуществление этих передвижений облегчалось наличием организаций, связывавших отдельные части передвигающихся, так называемых воеводств, которые застали здесь мадьяры. Предания об основании молдавского и валашского государств воспроизводят в основе своей действительные факты. Продвижение северной ветви балканских романцев, предполагаемое Филиппиде, вполне приемлемо как исторически, так и при учете лингвистических связей Молдавии и Буковины с северной Трансильванией. Нам кажется, что и второй поток Филиппиде проник сперва в область южных Карпат и оттуда уже спустился в будущую Валахию.

Основная причина — усилившийся нажим мадьяр — стала ощущаться, повидимому, сильнее в XIII в., когда Венгрия, как форпост католического правления и западноевропейских интересов, занялась особенно укреплением своих северных и восточных рубежей, на которых она соприкасалась со славянским миром. Предания об основании молдавского княжества и его основателе Драгоше относят эти события как раз к концу XIII — началу XIV в. и связывают их со стремлением венгров подчинить себе Марамуреш, который занимали романские и славянские поселения. Едва ли не таково же и происхождение княжества Валахии,

⁶⁴ Им посвящена работа H. B r ü s k e, Die russischen u. polnischen Elemente im Rumänischen in Jahresberichte, Лейпц. Рум. ин-т, XXVI—XXX, 1—69, где сделана попытка и хронологизации материала. Дополнения и замечания у Д. Шелудько в Balkan-Archiv, I, стр. 153—172.

⁶⁵ W e n d k i e w i c z, Zur Charakteristik d. rum. Lehnwörter im West-slavischen in Mitteilungen d. rum. Inst., Wien, 1 (1914), стр. 262 и сл. Как в XVII в. в старой Руси, волохи служили наемниками в войсках (Другош под 1352 г.); позже обособившиеся в качестве земледельцев селились в отдельных деревнях, пользовавшихся «волошским правом».

⁶⁶ I. N i s t o r, Die moldauischen Ansprüche auf Pokutien, в Arch. f. oesterr. Gesch., III, 1911.

основателем которого предание делает Раду Негру (1290—1310), имевшего, повидимому, некоторых предшественников, имена которых не вполне достоверны. Процесс образования княжеств выразился в постепенном объединении мелких феодальных ячеек-воеводств, о которых говорят и венгерские и византийские историки⁶⁷. В XIV в. и в Молдавии и в Валахии начинают выделяться отчетливее фигуры отдельных правителей, положивших начало более прочной организации княжеств и их государственной территории. В Молдавии это был Богдан (1343—1365), в Валахии — Бесарабы. К концу XIV в. Валахия занимала уже почти все земли по течению рр. Жну, Алюты, Арджеша, Дымбовицы и Яломицы (только земли на восток от Алюты и ближе к Дунаю долго оставались «диким лесом», Телеорман, а Бараганская степь была освоена лишь в XIX в.). Молдавия, подвигаясь с севера на юг, как об этом свидетельствует перемещение ее центров (Сучава, лежащая еще на краю Буковины, Роман, Ясы) овладела постепенно верхним и средним течением Серета и Прута; нижнее их течение в конце XIV в. еще не входило в его состав. Рубежом долгое время были Фокшаны. Этническим субстратом в Буковине и Молдавии являлись восточные славяне, как о том свидетельствуют данные топонимики. На старые местные названия вроде Солотина, Сторожа, Сторожинец и т. п. легли южнославянские, принесенные из Трансильвании как Слатина, Стража и т. п. Лежащий неподалеку от Фокшан город Рымник назывался первоначально Слам-Рымник, т. е. собственно Слан-Рымник, и это Слан (солов) было лишь впоследствии заменено румынской формой с тем же значением: Sarat (т. е. salatus «соленый»). Мы уже не говорим о заселенной главным образом из Буковины Бессарабии, топонимике которой М. В. Сергиевский посвятил специальное исследование⁶⁸.

Концентрация мелких феодальных владений в крупные государственные объединения создала условия и для развития в обеих ветвях дакороманского новых фонетических черт и для появления в них ряда новых элементов в слове, частью как результат контакта с новыми соседями за Дунаем — с болгарскими и сербами, на севере — с украинцами и поляками, на востоке (позднее) — с русскими. Трансильвания очутилась под властью Венгрии, которая укрепила эту свою восточную окраину колонистами-мадьярами (особенно секлерами) и немцами-саксами. В XV в. здесь образуется «княжество трех наций» (1437), в составе которого романское население не принимается в расчет и превращается в угнетаемое меньшинство.

С превращением Молдавии и Валахии в самостоятельные княжества происходит постепенная ликвидация двуязычия, которое, по мнению некоторых исследователей, продолжало держаться даже за пределами XV в. (П. Скок), но которое в широких кругах населения исчезло, несомненно, гораздо раньше. К. Иречек предполагал, что болгарский сохранился в княжествах исключительно благодаря писцам канцелярии, но язык грамот, писанных в Молдавии и Валахии, его некорректность, нелитературность, замена романской топонимики болгарской говорят о другом. Во всяком случае, болгарскими владели и пользовались довольно долго верхние слои общества, двор, знать, представители административного руководства. Некоторые особенности этих грамот XIII и следующих веков могут отражать черты этого живого языка, как допускал Милетич и еще раньше Венелин.

⁶⁷ Мы упоминали выше воеводу Менуморута в северо-западной Трансильвании; таким же воеводой был Гелу в Марамуреше; в северной части Олтении упоминается Сецеслав и он же на востоке от Алюты до Серета; между нижним Серетом и Днестром находилось воеводство Бырлад.

⁶⁸ «Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территорий», Изв. АН СССР, V (1946), стр. 333—350.

Среднеболгарские особенности могли проявиться в живой речи ранее, чем в языке этих грамот, не говоря, уже о памятниках литературных⁶⁹.

Поскольку памятники народной речи отсутствуют в эту раннюю пору (до XVI в.), изучение славянских грамот представляет интерес не только для слависта, но и для романиста, так как в них попадаются иногда, к сожалению, немногочисленные черточки местного романского языка, формы тем более драгоценные, что они могут быть древнее XIV—XV веков.

Славянскую письменность насаждала прежде всего, конечно, церковь. Епископские центры и монастыри явились главными очагами распространения литературы на славянском языке. Монастырские школы готовили кадры для канцелярий и для клира. Среди учеников преобладали сперва славяне, но скоро среди них стали попадаться и румынские имена. В этих условиях не удивительно, что, наряду с церковной литературой, начинает появляться и светская на славянском языке. В первую очередь — летописи и хроники. Так возникла летопись в молдавском монастыре в Бистрице, основанном Александром Добрым (1400—1432), покровительствовавшим литературе⁷⁰. За Бистрицкой последовала летопись Путникского монастыря (одна редакция излагает события с 1359 по 1525 г., другая — с 1359 по 1552 г.). В начале XVI в. летописи сменяются хрониками: Макария, игумена Нямецкого монастыря, Евфимия, епископа Радаудского. Только в XVII в. появляются исторические работы на романском языке (Хроника Григория Уреке, *1590—*1646). Интересно, что все перечисленные выше памятники связаны с Молдавией. В период между XIV и XVI вв. она играет ведущую роль. Влияние ее школ распространяется и на смежную Трансильванию, с которой у нее были, как мы знаем, давние связи.

Народный язык как в княжествах, так и за Дунаем оставался долго исключительно орудием устного общения и если и был применяем в письменности, то в редких случаях, в переписке или деловых записях, как об этом позволяют догадываться дошедшие до нас данные. Все они относятся к XV в. Таковы вступительные строки письма боярина Драгомира Удриште к жителям города Брашова в южной Трансильвании (между 1482 и 1492 гг.). Письмо написано по-славянски, но его вступительная формула заключает уже румынские слова (*бунилорь и честитемъ*); это — невольный ляпсус под пером боярина, человека, уже привыкшего говорить по-романски, но писать по-славянски. Другой факт — счетные записи города Сибиу, в которых под 30 ноября 1495 г. помечена уплата одному священнику-романцу некоторой суммы за написание писем по-романски. Все эти случаи использования народной речи связаны с городом и городской буржуазией.

Первые попытки пользоваться романским языком в письменности с и с т е м а т и ч е с к и принадлежат XVI в.; документы эти относятся к области деловых отношений. Они были извлечены Росетти из бистрицкого архива в Трансильвании, опубликованы им и изучены⁷¹. Охватывающие значительный период, с 1590 г. до конца XVIII в., они представляют собой ценные материалы для характеристики торговых и частно-правовых отношений Трансильвании, роста ее городов и хозяйственных связей их с монастырями и деревней, объединяющих северные области Молдавии и Трансильвании. Но они являются и важными памятниками языка этих областей, вскрывающими его характерные особенности, общие им в значительной мере издавна, и притом в период для истории румынского язы-

⁶⁹ См. М у т а ф ч и е в, цит. раб., стр. 304; С. Б. Б е р н ш т е й н, Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, I, Москва, 1948.

⁷⁰ О ранних исторических работах см. I. B o g d a n, Vechile cronice moldovenești până la Urechia, București, 1891.

⁷¹ Lettres roumaines de la fin du XVI-e et du début du XVII-e siècle tirées des archives de Bistritza в Grai și suflet, 1926—1927.

ка очень ранний. Однако они представляют собой не только памятники ж и в о й местной речи, но и важные показатели того, какую она принимала форму, когда ею пользовались в своего рода «литературных» целях. Рассматривая эти письма, ходатайства, справки и т. п. с этой последней точки зрения, нельзя не отметить в них наличия чувства некоторой нормы, продиктованного потребностью поднять язык выше обиходной его формы, желанием «сублимировать» его ввиду серьезности задачи, которую он призван разрешить. Отсюда исключение из него некоторых сугубо местных черт и сближение с речью других областей Трансильвании, в частности ее южной половины, уже связанной в ту пору с Мунтенцией, т. е. территорией, на которой во второй половине XVI столетия появились первые печатные книги на романском языке.

Таким образом, становится понятным, почему написание документов бистрицкого архива не отражает некоторых особенностей местной фонетики, которые воспринимались, очевидно, как слишком местные и шли наперекор «сублимации». Сюда относится характерная палатализация губных, явление более древнее, чем XVI в. Орфография, не отмечаящая этой черты, позволяла придать языку видимость известного единства, отвечавшего уже нарождавшейся где-то в глубине сознания идее единства говорящего на нем романского народа. Это совпадает с началом подъема городской буржуазии. Потребность в повышении и укреплении экономических связей между областями, расширения рынка для обмена товарами была материальной базой, которая направляла мысль тех, кто был в ней заинтересован прежде всего.

Характерные же местные особенности, допущенные в тексте документов, сводятся к следующим ⁷².

1. Ротацизм (интервокальное $n > r$): буну-буру. Он неизвестен аромунам и мегленитам, но известен истро-румынам, албанскому (где он имеется в противоположность румынскому и в славянских словах). До XVI в. его область — северная Трансильвания, Буковина и северная Молдавия; но он был знаком ранее того и центральной области Трансильвании (Торда). Вопрос о ротацизме не может считаться разрешенным.

2. Аффриката dz (из латинского $d + i$, $dj +$ гласный, греческое ξ , албанское z): *дзык* (*dico*), как в Палее, изданной в Орештине (Банат, 1582), в ряде трансильванских рукописей и молдавских текстов; славянские написания s (*зѣло*). Аффриката dz (*зак* и *ts*) была очень распространена у дакийцев и фракийцев. Она живет и теперь в народном языке Молдавии и Баната. Валахский произносит z .

3. Аффрикатам $ч$ и $дж$ ($ц$) отвечают в молдавском мягкие ффрикативные $ш^b$ и $ж^b$: *жъанэ* < *gêna* (ресница), *фашу* (*facit*). В написании $ч$ и $ц$ сохраняются.

4. Смягчение f перед i и $й$ потом в x : *a xi = a фи*.

5. Безударные $e > i$: *динти* (*dente*), как в албанском, болгарском и отчасти новогреческом.

6. Произношение дифтонга *ea* под ударением в конце слова как e : *сте* (румынское литературное *stea*) или в 3-м лице единственного числа и 1-м лице множественного имперфекта *ундже*, — *ем*.

7. В молдавском $\ddot{a}$ звучало уже как звук средний между $\ddot{a}$ (глухим, обозначавшимся в славянском написании $\ddot{a}$, $\ddot{u}$, в конце слов, $\ddot{a}$) и $\ddot{i}$ (писавшимся $и$, $\ddot{u}$ и $\ddot{v}$: *кътъ*, *кътъ*, *кътъ*). То же в конце слова. Протоническое a ($\ddot{a}$) звучало в молдавском как a , обычно перед следующим тоническим $\ddot{a}$: *царѣн* вместо *цѣрѣн*, но и перед другими тоническими гласными: *грабѣ-*

⁷² См. A. Rosetti, Recherches sur la phonétique du roumain au XVI siècle, Paris, 1926.

на, *фак'т*, но в последнем случае рядом с *гредѣнѣ* и *фак'т*. Предположение, что это а есть сохранившееся старое латинское (высказанное М. В. Сергеевским), мало вероятно ввиду наличия параллельных форм и того факта, что в словах вроде *барбѣт* вполне допустимо влияние последующего тонического а на предыдущее атонное.

VI

Таковы были первые шаги письменного развития восточнороманского языка. Как мы видели, они связаны с городом.

Официальные акты на романском языке появляются в княжествах только с начала XVII века.

Покорение южнославянских государств турками в конце XIV в. (Ковоская битва 1389 г.) сыграло немалую роль в прекращении южнославянского влияния за Дунаем.

На смену ему пришло влияние западного славянства, чехов и словаков (последнее, словацкое, сказалось в языке уже и ранее, как утверждает Э. Петрович), в форме влияния гуситства, течения не только религиозного, но и социального. Во второй половине XV в. гуситское движение пришло в упадок у себя на родине и в Венгрии, которой принадлежала Трансильвания. Венгерский король Матвей Корвин (1458—1490) под давлением Рима вел с гуситством упорную борьбу (1467—1471) и в Чехии и в Венгрии. Спасаясь от преследований правительства, гуситы переходили в соседнюю Молдавию, где продолжали свою проповедь, но здесь их деятельность по переводу церковной литературы на местный язык наткнулась на сопротивление церковных властей, противников идеи перевода (как на другом полюсе католики), и успеха не имела. Успех пришел позже, когда политическая конъюнктура в Трансильвании изменилась. Тем не менее нельзя отрицать, что оригиналы некоторых переводов, сохранившихся в позднейших списках, изданных в XVI в., восходят к этой поре. Ротацизм и наличие в них некоторых мадьярских слов, имевших ограниченное распространение, указывают на северные районы Трансильвании, на область Марамуреша, но они вполне возможны и в северной части Молдавии. Однако эта переводная литература, первые шаги «вульгарного» языка, имела характер разрозненных попыток, только подготовивших, как и гуситы, путь более широкому и упорному движению XVI в., каким явилась реформация.

В эту пору в Трансильвании нашли себе отклик оба течения реформы — лютеранство и кальвинизм. В распространении их большую роль играл национальный состав страны. Саксы, немецкие колонисты, осевшие здесь в XIII в., оказались сторонниками лютеранства (проповедь И. Гонтера в 40-х годах XVI в.); среди венгров распространилось учение Кальвина. Если католичество являлось для венгров верой эксплуататоров, то лютеранизм являлся для них верой немецкой. В стороне оставались «православные» румыны, которые составляли большинство и которые, подготовленные к восприятию новых идей гуситством, не тяготели к вере «венгерской», т. е. вере угнетавших их дворян-помещиков, власть и влияние которых усилились особенно в правление Людовика II (1516—1527) под руководством Иоанна Заполя. Крестьянское восстание 1514 г., бывшее следствием на притеснения и вымогательства помещиков, оставалось у всех в памяти, тем более, что за жестоким подавлением его последовали не менее жестокие систематические меры против крестьянства. Таким образом, с венграми и их верой румынам было не по пути. Немецкая городская буржуазия, саксы, экономическое влияние которых и планы росли, использовали это положение и развернули широкую пропаганду реформы

среди румын, и в первую очередь среди городского населения. Государство в конце концов должно было принять реформационные тенденции и даже поощрять их, взяв над ними руководство, чтобы не подать повода румынам пойти на сближение с их единоплеменниками и единоверцами в княжествах. На сейме в Сибиу (1566) было провозглашено введение у румын реформации; им был дан свой епископ, который на Синоде 1567 г. отменил славянский язык в богослужении и церкви вообще. Тем самым были официально дозволены переводы священного писания и богослужебных книг на романский язык. Для городской буржуазии это было крупной победой, первым важным шагом на долгом и трудном пути национального объединения. «Реформа» оказалась, правда, преходящей; но приобретение языком серьезных прав на литературу и типографский станок уже нельзя было отменить, и все дальнейшие попытки ущемить это право, откуда бы они ни исходили, терпели неизбежное поражение.

Печатный станок для распространения славянской литературы был поставлен в Валахии около начала XVI в. сербским иноком Макарием. Новый станок был водружен на юге Трансильвании, в Брашове, полвека спустя (1557), учеником сербского печатника (Дмитрия Любавича) дяконом из Валахии (Тырговиште) Кореси и его сотрудником Опря Логофетом, за счет брашовского горожанина-немца И. Бенкнера.

Первыми печатными книгами явились естественно Катехизис (лютеранский, 1559 г.; более раннее издание, вышедшее в Сибиу в 1544 г., пропало), Четвероевангелие (1561 г., основная книга верующего) и Псалтырь (1570, во всей протестантской Европе популярнейшее библейское произведение).

Совершенно естественно, что Кореси использовал для своих изданий уже имевшиеся готовые более ранние переводы — иначе не объяснить выпуск им в свет значительного количества книг за относительно небольшое время (он работал с 1559 по 1581 г.). Переводы эти, сделанные со славянского, воспроизводились иногда даже наряду с оригиналом (таковы, например, отрывки Четвероевангелия, хранящиеся в Ленинграде). Язык оригиналов носит следы места их происхождения, как о том свидетельствуют ротацизмы вроде *шеге* вместо *шле* и т. п.

Первым литературным языком был язык северной Трансильвании. Но печатный станок рассчитывал на распространение своей продукции далеко за пределами того места, где он стоял. Он преследовал цели пропаганды и в то же время был предприятием коммерческим. Поэтому совершенно естественны изменения, внесенные Кореси в язык изданных им книг. К тому же он был валахом из Тырговиште, а некоторые из его сотрудников — уроженцами области Брашова. Помимо личных удобств, ориентация на язык Тырговиште-Брашова делала текст понятным на более широкой территории. Закрепленный рядом памятников язык типографии Кореси получил признание и стал той новой формой литературного языка, на которую приходилось ориентироваться, как на авторитет.

Однако в условиях раздельного политического существования княжеств и Трансильвании о полном объединении языка, о норме пока не могло быть и речи. Поэтому язык печатных произведений XVI и XVII вв. носит на себе в каждом отдельном случае следы местопроисхождения памятника. Известная Палея, изданная в Орашье (1582), вышла из Банаата, Новый завет, изданный в Болграде (Алба Юлия) в 1648 г., содержит трансильваниязмы, Казания (проповеди) Варлаама (1643) — молдаваназмы (Варлаам был сыном крестянина из Путны), которые встречаются позднее и у митрополита Досифея в его стихотворных переводах псалмов (1673), являющихся первым поэтическим опытом на народном языке.

По наблюдениям Гастера, местные черты гораздо заметнее в руко-

писных, нежели в печатных текстах⁷³. При перепечатке молдавской книги в нее вносили исправления, между прочим устраняли молдаванизмы. Так случилось, например, с проповедями Варлаама, изданными сперва в Ясах и почти непосредственно в Дяле (в Валахии). Валашское наречие на этом этапе стало, очевидно, преобладать, хотя молдавские хронисты XVII в., с одной стороны, продолжают держаться архаики старых церковных писаний, с другой — близки живой речи своей родины. Появление полного перевода Библии, изданного в 1688 г. в Бухаресте и сделанного на основе валашского наречия, имело огромное значение для укрепления авторитета последнего уже в силу характера самого памятника.

Приведенное выше замечание Гастера свидетельствует лишний раз о том, что всякое литературное использование языка требует от пишущего на нем придания ему особой формы, которая уводила бы его от повседневности, заставляет отбрасывать все слишком местное, препятствующее написанному стать достоянием более широких кругов. Митрополит Трансильвании Симеон Штефан выразил эту мысль в своем предисловии к переводу Нового Завета, изданному в Алба Юлия в 1648 г. Он сравнил слово с монетой, которая хороша, когда она способна обращаться повсюду; также «хороши только те слова, — пишет он, — которые понимают все».

Таким образом, представители молдавской письменности, игравшей почти ведущую роль в XVII в.⁷⁴, включились в работу над созданием единого в своей основе литературного языка, который стал впоследствии и единым национальным языком румын. Сложная работа над шлифовкой и обогащением этого языка наполняет деятельность представителей литературы с конца XVII — и до начала XIX в. Очень много сделано было в этом направлении Дм. Кантемиром (1673—1723), отцом нашего сатирика, для усовершенствования языка научной прозы, но его произведение имели до начала XIX столетия гораздо меньшее влияние, чем они того заслуживали, по крайней мере в принципиальном отношении. Увлечение идеей романизма румынского языка на рубеже между XVIII и XIX вв. придало особое значение выступлениям и работам так называемой «Трансильванской школы», давшей много положительного для «защиты и иллюстрации» румынского языка, но оставившей после себя и зародыш будущих нездоровых, чрезмерных увлечений всем, что только связывало язык с его романскими собратьями: латино, галло- и итальяноманией, последствия которых ощущаются доныне.

В процессе объединения молдавский отказался от ряда своих особенностей. Областью, в которой он наиболее отличается от румынского, является⁷⁵ область лексики. Ею занимались, пожалуй, недостаточно, хотя такая работа могла бы принести большую пользу и общелитературному языку, перед которым открылся бы, таким образом, важный и интересный источник словарного обогащения. В этом отношении интересна работа И. Йордана⁷⁶, вскрывающая не только новые слова или их формы, но и новые значения их. И в то же время Йордан показывает необходимость различать в Молдавии две зоны — северную и южную, которая носит на себе следы своего промежуточного положения⁷⁷. В отношении словаря Молдавия располагает весьма значительным количеством слов, не известных Валахии, часть же общих слов распространена главным образом в южной Молдавии. Пользуясь известным словарем Тиктина, М. В. Сер-

⁷³ Chrest. roum., I, стр. CVIII—CIX.

⁷⁴ P a s c u, Istoria literaturii române din secolul XVII, Iasi, 1922.

⁷⁵ И по признанию М. В. Сергиевского; см. его «Молдавские этюды» в Трудах Моск. ин-та истор., философ. и литер., т. V, М., 1939, стр. 201.

⁷⁶ Lexicul graiului din sudul Moldovei в Arhiva, 1921, стр. 186—202.

⁷⁷ Там же, стр. 87.

гиевский дополнил список Йордана⁷⁸, но должен был в то же время констатировать, что весьма многие «молдавские» слова (по Тиктину) вошли и в румынский словарный фонд, причем почти невозможно (на данном этапе) установить время их включения в последний. Большое значение для истории словаря имело бы соответствующее исследование молдавских памятников XVII в. и старых словарей. Но это дело пока еще не привлекло к себе в достаточной мере внимание исследователей⁷⁹.

VII

Работа над приданием единства литературному языку, над усовершенствованием его выразительных средств и его обогащением дала за XVII и XVIII вв. значительные результаты. В поисках единства основные разновидности румынского вносили каждая что-нибудь свое, но в основе продолжал лежать язык Валахии. Молдавский сохранялся в живом обиходе, окрашивал, в той или иной мере, в устах тех, для кого он был родным, произношение литературной речи, ее лексику, но, как это бывало повсюду, в чистом своем виде расценивался как народный «диалект», противопоставляемый литературному стандарту. Закрепление фонетической формы последнего орфографией, а его строя грамматикой было предметом работы грамматиков уже в конце XVIII в. Но споры о языке, в особенности об источниках обогащения его лексики продолжались и в XIX в., когда рост литературы, науки и техники придавал им особую актуальность. Объединение княжеств и образование единого румынского национального государства выдвинуло и вопрос о придании языку национального характера. В противовес сторонникам широких заимствований, продолжавших линию Элиаде Рэдулеску (1802—1872), выступили сторонники широкого использования наследия старины, и в особенности богатейшей сокровищницы народного языка. К. Негруцци (1808—1867) высмеивал в своем «Письме» приверженцев латинизмов, галлицизмов и итальянизмов, позднее А. Одобеску (1834—1895) и М. Эминеску (1850—1889) опирались на народную речь и широко применяли неологизмы. Эти принципы, наряду с обращением к живой, разговорной речи, даже к диалекту, нашли себе мощную поддержку среди писателей-реалистов, пользующихся в настоящее время, время строительства демократической Румынии, наибольшим авторитетом и влиянием.

В разгар работы над созданием общего литературного языка Бессарабия отошла по Парижскому миру 1812 г. к России, и тем самым история ее и ее языка потекла по новому руслу. Ускорялись темпы формирования молдавской нации и молдавского национального языка. Бессарабия преобразилась сперва, согласно статуту 1818 г., в область, за которой сохранялись ее обычаи и язык, последний — настолько, что закон предусматривал ряд мер для поднятия среди молдаван образования и, между прочим, — открытие школ для народа с родным языком. Молдавским разрешалось пользоваться при составлении заявлений, прошений и других официальных документов. В 20-х годах XIX в. был действительно открыт ряд школ в различных пунктах области, между прочим в Кишиневе. В 1822 г. был издан молдавский букварь, переиздававшийся и позднее. Но политика эта продолжалась недолго. При Николае I область превратилась в обычную губернию со всеми последствиями, и началась ее русификация.

⁷⁸ Цит. раб., стр. 206 и сл.

⁷⁹ М. В. Сергиевский, К вопросу о создании румынского литературного языка, Уч. зап. Ин-та яз. и лит., III; А. Т. Борщ, Молдавская лексикография, Кишинев, 1949.

Пользованию родным языком в официальных документах был положен предел в 1842 г.; молдавский язык постепенно выводился из школ, как начальных, так и средних. В открытом в 1835 г. в Кишиневе семиклассном лицее местный язык преподавался факультативно, и это продолжалось до 1872 г. То же самое положение вещей существовало и в учрежденном в 1835 г. Дворянском пансионе. Общественная библиотека в Кишиневе, основанная в 1832 г., не обзаводилась книгами на молдавском языке⁸⁰. Даже податливое и угодливое дворянство сочло необходимым обратить внимание на такое пренебрежительное отношение к естественным и справедливым национальным нуждам, и предводителем его — В. Стурдза оставился на этой теме в адресе, поданном губернатору в 1841 г., особо. Но русификация продолжала делать свое дело попрежнему, ломая права и потребности не только дворянства и буржуазии, с относительно легким сердцем мирившихся с новыми порядками, но и буржуазной интеллигенции, вынужденной капитулировать, так как для нее не оставалось в условиях того времени иного пути⁸¹. В 1865 г. И. Донич (или Дончев, как он себя называл) сетовал в своем «Начальном курсе румынского языка» (использовавшем латинский алфавит) на то, что желающих изучать его почти не находится, а через два года после издания этой книги молдавский язык был изъят из школ всех типов и заменен русским, между тем как за немцами, болгарам и греками право изучать свой родной язык сохранялось.

Но и в эти трудные годы и в этих тяжелых условиях находились все же теперь, как прежде, люди, поддерживавшие среди своих земляков интерес и любовь к родной речи и родной литературе, люди вроде педагога-гуманиста А. Хаждау, одно время руководившего кишиневским лицеем. В первое время после присоединения Бессарабии работать в этом направлении было легче. После 1812 г. Прут не был рубежом, пресекавшим связи с Молдавией. Русские войска оставались в ней и несколько позже в связи с турецкой войной — с 1828 по 1834 г. Целый ряд просвещенных молдаван спасался на территории Бессарабии от турецких порядков, выжидая лучших времен. Среди них были и политические деятели и писатели, как например, К. Негруцци, который познакомился в Кишиневе с сосланным туда Пушкиным и явился затем одним из первых пропагандистов русской литературы у себя на родине вместе с бессарабцем И. Доничем. Из-за рубежа проникли тогда в Бессарабию книги и журналы, что поддерживало старые связи с литературным языком и литературными традициями. Но поддерживать их чем дальше, тем становилось труднее. С 1878 г. Прут закрылся как путь сообщения, и царский режим привел к тому, что те, кто могли поддерживать и продолжать в Бессарабии молдавскую традицию и культивировать литературный язык, стали уходить за рубеж.

Хранителем национальных начал и традиций остался народ.

Было бы, однако, исторической ошибкой не указать на те положительные стороны, какие имели для Бессарабии связи с Россией. Купленные, правда, дорогой ценой, они окупались сторицей, если учесть их конечные результаты. Отрыв Бессарабии имел своим последствием на первых же порах отрыв от тех остальных восточных традиций, которые тормозили развитие Молдавии, как и других стран на Балканах, где Россия играла

⁸⁰ Их не оказалось в ней и в 1899 г., когда библиотека насчитывала до 20 тысяч названий.

⁸¹ Учреждение в 1848 г. в Петербургском университете кафедры румынского языка преследовало исключительно практические цели: подготовку лиц, способных разбираться в документах. Кафедра просуществовала 10 лет. Балкано-романские штудии были восстановлены в университете только в конце XIX в. проф. П. А. Сырку, молдаваном по происхождению, славистом по специальности.

объективно прогрессивную роль. Наконец, в царской же России равнялась, невзирая на гнет и мракобесие царизма, та прогрессивная мысль и революционное движение, к которым приобщилась постепенно и Бессарабия. Эта мысль и это движение помогли в конечном счете правильно поставить и разрешить и национальный вопрос, приняв положение о гармоническом сочетании принципа социалистической культуры и национальной формы ее воплощения. Старые национальные идеалы приносили страну, как известно, к порабощению ее Румынией, буржуазной и помещичьей. Не будь 1812 г., она только теперь смогла бы заняться залечиванием ран боярско-капиталистического режима, притом в худшей его форме, как об этом позволяют судить годы румынской оккупации. Сейчас она объединилась с прилегающей к ней и этнически родственной ей полосой на левом берегу Днестра и является уже давно полноправным членом великого Советского Союза, обеспечившего защиту ее рубежей и помощь в построении новой жизни и новой культуры.

Новое положение сообщило ей новые права, но возложило на нее и новые обязанности, к числу которых принадлежит и разработка и совершенствование языка как орудия литературы, науки и других видов культурной работы.

Всюду, где возникала эта задача, она требовала значительной затраты сил и времени. Понятно, что процесс ее разрешения протекает нелегко и в Советской Молдавии. К тому же здесь имеются свои трудности. С одной стороны, задача облегчается тем, что строить приходится не на пустом месте; с другой — именно это последнее обстоятельство явилось затруднением, так как за время более чем векового существования языка в ином языковом и культурном окружении, когда сфера его применения была ограничена использованием его главным образом для практических целей, естественный ход его развития и совершенствования был нарушен. Язык требует обихода и работы над ним. Между тем «Краткий курс румынского языка» (как его называет автор) Иона Донича (Дончева), вышедший в 1865 г., был последним грамматическим пособием по его изучению. Следующая грамматика появилась только в 1918 г. (Ст. Чобану). Не многим лучше обстояло дело и в области литературы. Для времени Пушкина можно отметить молдаванина К. Негруцци, бессарабцев А. Донича и Костика Стамати («лебедя Бессарабии», как его называли). Греческое восстание 1821 г. вынудило ряд запрутских молдаван искать убежища в Бессарабии. Таковы, например, прозаик А. Бельдиман, поэты К. Копаки и А. Христоверги. К 50—60-м годам относятся деятельность Иона Сырбу, историка и отчасти поэта А. Наку.

Литература в Молдавии стала развиваться по-настоящему только в советское время, и сейчас она насчитывает уже значительное число представителей.

Только в эту же пору было организовано преподавание и научное изучение языка и литературы в специальном институте Молдавского филиала Академии Наук Союза.

Более чем полувековой пробел в жизни литературного языка и литературы не могли, конечно, пройти бесследно. Традиция, и без того не очень сильная, была нарушена. Вначале пробел хотели заполнить с помощью румынского языка, что было по существу не языковой реформой и противоречило советской национальной политике. Но, не говоря уже о политической стороне этого акта, и в языковом отношении такое решение вопроса было неправильным, так как использование румынского было не критическим и населению прививались не только часто чуждые ему словесные формы, но и непонятные иностранные заимствования из романских и нероманских языков, с которыми у него не было никакой связи. Ему при-

нивались элементы, которые и в зарубежном румынском засоряли язык, придавая ему излишне пестрый характер и уродуя его коренной облик.

Эти более чем неудачные эксперименты были, наконец, ликвидированы, и в республике принялись за нормализацию и кодификацию своего литературного языка. Исходя из упрощенно понятой демократизации, его стали максимально приближать к крестьянской диалектной речи. Но этим литературный язык увлекали на неверный путь, ибо даже народные песни серьезного (например, балладного жанра) не пользуются чистым диалектом, оставляя на долю последнего песни типа частушек и т. п. И. Крянге удалось дать в своих сказках замечательный образец художественной обработки крестьянской речи своего родного молдавского села Хумулешть, но подобный язык возможен только в пределах определенного литературного жанра. Он не может, конечно, претендовать на его применение как литературного языка вообще, хотя последний и может извлечь из него для себя много полезного. Так поступает, например, и Мих. Садовяну, для которого молдавская народная речь — один из источников обогащения стиля.

Единственно правильный путь — это использование того, что уже было достигнуто в прошлом писателями, авторитет которых в языке не заподозрен и не вызывает сомнений, как, например, К. Негруцци, А. Дониц, К. Стамэти и др. Это и подхвачено целым рядом советских писателей, таких, как Буков, Лупан, Истру, Деляну, Канна и др. Они, как и их предшественники, конечно, ни на минуту не сомневаются в том, что они молдаване, что понятны своим землякам, для которых они пишут, хотя и не считают нормой *аму* или *аяста*, *кятрэ* или *гине*.

Упреки сторонников такого взгляда в насильственной «румынизации» языка не имеют никакого основания. Мы уже отмечали выше, что история развития литературного языка в Молдавии и Валахии характеризуется, так сказать, сотрудничеством писателей обоих княжеств, стремлением создать известную норму, которая была бы общепринята, т. е. обслуживала бы максимально широкие круги читателей, не обращая их произведения в узкопровинциальные писания. Мы видели, что даже язык бистрицких документов XVI в. не может считаться памятником чистого диалекта. Если бы Гр. Уреке, Варлаам, М. Костин, Досифей, Д. Кантемир или И. Некульче, молдаване, стремились писать по-молдавски, то их хроники, проповеди, псалтыри, исторические и литературные произведения оказались бы памятниками областнической литературы и едва ли бы получили тот резонанс, который они имели. Тенденции их в языке не мешали им, однако, чувствовать себя при всем том молдаванами. Когда итальянцы в течение чуть ли не двух веков отрицали тосканизм литературного языка и уверяли, что пишут каждый на своем родном языке, то это значило только то, что тосканский стал общепитальянским, т. е. в основе своей их родным, и что небольшим естественным отклонениям в сторону диалекта они приписывали незаслуженно большое значение.

Молдавским могли считать свой язык и молдавские писатели, поскольку они обращались иногда к молдавской лексике. Молдавским могли считать свой язык Гр. Уреке, Досифей или И. Некульче, потому что их собственный текст звучал в их произношении с некоторыми естественными молдавскими оттенками²³. Но существа дела это не меняло. Сталинское определение специфики языка не оставляет места сомнениям. Даже такой

²³ У Варлаама и Мирона Костина еще можно встретить формы *сэ тие*, *ва ти*, *хире*, но уже рядом с *фис*, а Григорий Уреке избегает их. Варлаам дает *ашеяшь*, которой нет у М. Костина и Г. Уреке. Упорно держится только написание *ыче*, *ыс*, *ыи*, *ыд* и т. п., привычное для Варлаама, Г. Уреке, М. Костина, И. Некульче и для молдавского перевода «Описания Молдавии» Дм. Кантемира, сделанного в 1825 году.

сторонник самобытности молдавского, каким был М. В. Сергеевский, говорит об образовании литературного языка в Молдавии, так заканчивает свои наблюдения: «Таким образом складывается молдавская письменность, в основном, на базе той, которая уже сложилась в областях Валахии и южной Трансильвании, с некоторыми отклонениями диалектального порядка»³³. И далее, он отмечает лексические расхождения, в которых, конечно, никто не сомневается.

Как существуют в общем языке молдаванизмы, так могут существовать и мунтенизмы; например, некоторые фонетические особенности: в морфологии — употребление простого перфекта (асриста), в лексике — употребление особых слов или общих слов в особых значениях. Данте был прав, когда говорил, что его *vulgare illustre* — литературный язык, это язык, который существует везде и не имеет «своего гнезда» нигде («*De vulgare eloquentia*»).

Язык Советской Молдавии должен, следовательно, опираться прежде всего на народную традицию, на завоевания прошлого, исходить из них. И это безотносительно к тому в условиях какого строя язык создавался.

«Ни для кого не составляет тайну тот факт, — говорит И. В. Сталин, — что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества.

То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый, социалистический строй»³⁴.

Эта традиция не есть, конечно, только традиция летописцев и других писателей XVII в., как бы ни был ценен их язык. Эту традицию развивали писатели XVIII и XIX вв., должна развивать и молдавская современность. Но, как всегда и во всем, прошлое следует использовать критически, учитывая нужды настоящего и перспективы будущего. В прошлом есть много такого, что может быть взято буквально, когда это нужно. Пушкин обращался к архаике, когда этого требовала художественная форма. То же делал Негруцци, делает и Садовяну.

Но прошлое ценно и тем, что в нем есть просветы в будущее, тем, что в нем есть живого, прогрессивного, применимого к современности. Есть, например, связь с живой народной речью, к которой обращались и Негруцци, и Дониц, и Эминеску, обращается и Садовяну. Есть и разумный, естественный контакт с зарубежными языками, от крайностей которого предостерегающим примером может служить Э. Радулеску. Язык развивается не только из своих внутренних ресурсов, как бы они ни были важны, но и путем заимствований. Когда это было необходимо в старину, дако-романский использовал языки славянские, греческий, турецкий, французский и немецкий. В настоящее время, благодаря своей ведущей политической и культурной роли, огромное значение приобрел русский, не только в жизни языков народов-товарищей, членов Советского Союза, связанных общими интересами и задачей построения новой жизни, но и в жизни языков в странах народной демократии и даже в странах капитализма.

Взаимоотношения между языками социалистических наций должны

³³ Труды Моск. ин-та истор., философ. и литер., V, 201.

³⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Гослитиздат, 1951, стр. 8.

теперь строиться, как это показал И. В. Сталин в своем гениальном прогнозе о языке будущего⁸⁸, иначе, чем они строились в эпоху наций буржуазных. Одним из этапов на этом пути явится сближение языков народов-товарищей, круг которых будет все больше и больше расширяться. Но максимальное развитие языка в национальном плане этим не отменяется, а наоборот, так как именно в целях будущего языкового синтеза важно, чтобы языки сотрудничающих наций предельно развернули каждый свои возможности в соревновании с языками-товарищами, а тем более родственными. Эти замечательные положения должны определить отношения к современному русскому языку и языка молдавского. Обобщая систематически с русским, он не должен забывать, что он — язык романского склада и что у него поэтому имеются свои законы внутреннего развития. Если удобно говорить *арифметикэ* или даже *арифметика*, то какое основание заставляет отвергать *аритметикэ*?

В связи с превращением Румынии в страну народной демократии и проведением в ней реформ, подготовляющих установление в ней социализма, ввиду развития и укрепления в ней учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и появления соответствующей литературы, следовало бы пересмотреть и отношение к ее языку. Старое отношение оправдывала господствовавшая в ней ранее буржуазно-боярская идеология. Сейчас нет оснований не использовать то положительное, что дает, например, ее художественная литература и язык в тех ее частях, которые не засорены иностранными элементами, чем румыны немало грешили за последние сто лет. Ведь не одними только грехами исчерпываются достижения его за тот же период времени; ведь отношение к нему должно быть критическим. И такое использование его, учитывая его близость к молдавскому, не должно, казалось бы, встречать возражения.

Работа по развитию и совершенствованию языка в Молдавии — дело культурных кругов самого молдавского народа и в первую очередь его писателей, как хранителей его наследия и проводников по новым путям, пролагая которые, они должны прежде всего руководиться чувством родной речи в ее целом, чувством языка народа в его основах, а не мелких отклонениях, «жаргонах», по выражению И. В. Сталина. Только при таких условиях не страшны никакие заимствования или контакты и будет найдена мера использования простой, повседневной речи, местного говора, которые могут послужить материалом для построения и отделки литературного языка. Примером того, как можно и нужно работать в этом направлении, может служить Пушкин, сумевший найти тап речи максимально гибкой, выразительной, применимой к самым разнообразным требованиям мысли и в то же время максимально простой и общепонятной. В современной румынской литературе большим мастером слова является такой представитель реальной школы, как молдаванин Мих. Садовяну, который умелым использованием родного диалекта расширил круг выразительных возможностей румынского языка.

Своими исследованиями языка прошлого и живой народной речи в различных ее местных, социальных и профессиональных проявлениях, а равно и ценных достижений родственного румынского языка, осуществленных в условиях идейного и социального перелома, молдавские языковеды могут оказать ценную помощь писателям Молдавии в их трудном, но благородном деле — работе над совершенствованием языка молодой социалистической молдавской нации.

⁸⁸ См. И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, особенно отд. 2 (стр. 335 и сл.) и 3 (стр. 341 и сл.).